

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800019451-2

О некоторых особенностях употребления перфектных и плюсквамперфектных конструкций в псковских говорах (на материале одного говора Опочецкого района Псковской области)

© 2022 г. М. В. Ермолова

Кандидат филологических наук,
доцент факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”,
Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4,
научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
maria-anna2121@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается ряд особенностей употребления перфектных и плюсквамперфектных конструкций в одном говоре Опочецкого района Псковской области. Выдвигается гипотеза о происхождении “усеченных” форм в конструкциях типа *вода принесен*: показывается, что их следует трактовать не как усеченные формы ед.ч. ср.р., а как морфологическую форму м.р.

Анализируется два ряда плюсквамперфектных форм типа *был пришедши* и *был ходил*: обсуждается их семантика и место, занимаемое ими в грамматической системе диалекта. Формы первого типа, по всей видимости, выражают грамматическое значение результата в прошедшем времени и являются членами категории перфекта. Формы второго типа противопоставлены “обычному” прошедшему времени по признаку давности / неактуальности. Кроме того, поднимается вопрос о происхождении антирезультативного значения у плюсквамперфектных форм. Данные исследуемого говора подтверждают гипотезу о происхождении антирезультативного значения у плюсквамперфекта в истории русского языка из результативного, а не из значения давнопрошедшего, как это часто бывает в языках мира.

В рамках типологически известного перехода плюсквамперфектного значения в ирреальное рассматриваются примеры употребления форм типа *был пришедши* “вместо” формы сослагательного наклонения.

Ключевые слова: опочецкие диалекты, плюсквамперфект, новый перфект, ирреалис.

Для цитирования: Ермолова М.В. О некоторых особенностях употребления перфектных и плюсквамперфектных конструкций в псковских говорах (на материале одного говора Опочецкого района Псковской области) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 2. С. 92–105. DOI: 10.31857/S160578800019451-2

On Some Features of the Perfect and Pluperfect Constructions in Pskov Dialects (On the Material of One Opochka Dialect of the Pskov Region)

© 2022 Maria V. Ermolova

Cand. Sci. (Philol.),
Docent at the Faculty of Humanities
of the Higher School of Economics “National Research University”,
21-4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russia,
Researcher of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,

18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
 maria-anna2121@yandex.ru

Abstract. The paper discusses some features of the use of the perfect and pluperfect constructions in one Opochka dialect. A hypothesis about the origin of the “short” forms in the construction *вода принесен* is put forward: it is shown that they should be interpreted not as reduced forms of the neutral, but as morphological forms of the masculine.

Two types of the pluperfect forms (*был пришедши* and *был ходил*) are analyzed: the paper discusses their semantics and place they take in the grammatical system of the dialect. The forms of the first type express, apparently, the grammatical meaning of the result in the past and they are members of the category of the perfect. The forms of the second type are opposed to the “usual” past on the basis of the remoteness / irrelevance. In addition, the question about the origin of the anti-resultative meaning of the pluperfect forms is raised. The data of the analyzed dialect confirm the hypothesis about the origin of the anti-resultative meaning in the history of the Russian language from the resultative meaning and not from the meaning of the remote past, as it often happens in the languages of the world.

The use of the forms *был пришедши* on the place of the irrealis is considered to take place within the framework of the typologically well-known mixing of the pluperfect and subjunctive forms.

Key words: Opochka dialects, pluperfect, new perfect, irrealis.

For citation: Ermolova, M.V. *O nekotoryh osobennostyah upotrebleniya perfektnyh i pluskvamperfektnyh konstrukcij v pskovskih govoraх (na materiale odnogo govora Opocheckogo rajona Pskovskoj oblasti)* [On Some Features of the Perfect and Pluperfect Constructions in Pskov Dialects (On the Material of One Opochka Dialect of the Pskov Region)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 2, pp. 92–105. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800019451-2

1. Вводные замечания

1.1. В статье анализируются некоторые глагольные особенности в одном опочецком говоре Псковской области по 4,5-часовой записи разговора с Екатериной Григорьевной Федоровой¹ (1929 г.р., 4 класса, родилась в д. Самсоново; далее ЕГФ), сделанной в д. Сорокино в рамках диалектологической экспедиции, в которой помимо автора участвовали Р.В. Ронько и студенты НИУ ВШЭ. Речь ЕГФ насыщена диалектными особенностями, проявляющими себя крайне последовательно, и являет собой образец стройной языковой системы, не претерпевающей изменений под влиянием литературного языка. Именно поэтому представляется целесообразным исследовать интересные нас формы по записи ЕГФ без привлечения других информантов.

Статья состоит из пяти разделов. Первый представляет собой введение с кратким описанием особенностей опочецких говоров, важных для понимания данной статьи. Во втором разделе выдвигается гипотеза о происхождении так называемых усеченных форм страдательных причастий в конструкциях типа *вода принесен*. Третий раздел посвящен соотношению в говоре двух плюсквамперфектных форм (типа *был пришедши* и *был ходил*). Четвертый – интерпретации

примеров употребления плюсквамперфектных форм типа *был пришедши* “вместо” формы сослагательного наклонения. Последний представляет собой краткое заключение.

1.2. Опочецкие говоры по классификации [2] относятся к среднерусским говорам Псковской группы. Одной из наиболее ярких глагольных особенностей в опочецких говорах является наличие в глагольной системе причастного перфекта, который образуется с помощью и действительных, и страдательных причастий. Действительные причастия прошедшего времени образуются от основы прошедшего времени с помощью суффикса *-ш-* (*явилиши, выросши*); в речи младшего поколения от глаголов с основой на гласный чаще фиксируется суффикс *-вш-* (*явивши*). Страдательные причастия прошедшего времени образуются суффиксами *-н-/-т-* аналогично тому, как это происходит в литературном языке (подробнее см.: [1]; [3]). Выбор залога причастия в перфектной форме зависит от переходности/непереходности глагола: “Переходные глаголы образуют формы перфекта со страдательными причастиями, непереходные, в том числе возвратные, – с действительными; в формах перфекта суффикс *-ся* у причастий от возвратных глаголов отсутствует” [3, с. 65].

Опочецкие говоры характеризуются факультативной редукцией заударной /о/ в конечном открытом слоге, т.е. в формах с конечной безударной

¹ Речь этого информанта описывается также в других работах, ср. [1].

/о/ могут произноситься [о], [ъ], [а]. Это приводит к омонимии кратких форм страдательных причастий ж. и ср.р. Кроме того, наосновное ударение в формах V-глаголов прошедшего времени (подробнее см.: [1]) приводит и к омонимии форм прошедшего времени ж. и ср.р. глагола *быти*.

Наряду с перфектными формами в опочечных говорах редко фиксируются плюсквамперфектные формы типа “*был, -о, -а, -и + -л-форма*” (см.: [1]; [4]).

2. К вопросу о происхождении так называемой усеченной формы на *-н-/-т-* в конструкциях типа *вода наношен*

Как было сказано во введении, страдательные формы на *-н-/-т-* могут не согласовываться с подлежащим и выступать либо в форме ед.ч. ср.р., либо в форме, совпадающей с формой ед.ч. м.р. (так называемой усеченной, см. [5]). “Условия выбора между согласованной формой причастия и той или иной несогласованной формой не ясны” [1, с. 297]. ЕГФ в аналогичных контекстах в соседних предложениях может употреблять то одну форму, то другую, ср.:

(1) *Все там сожжено <...> Да, и постельное, все там сожжен.*

На ок. 200 всех форм со страдательным причастием приходится 56 “усеченных” форм (контексты с подлежащим в м.р. сюда не включаются, т.к. в них не ясно, имеем мы дело с согласованной или несогласованной формой). Приведем примеры:

(2) *Трава принесен, яблоки набран, свекла посажен;*

(3) *Подогнан машина, с дому обобран, всё всё всё оставлен было, мелкой картошки чашка и ножика не было и ложки не было, в машину всё сгружен;*

(4) *И я в болото отправлен была;*

(5) *Ну вот, и эта Катя у ней была куда-то, она ездила, завезен была, была брошен.*

Связка в нашей записи у ЕГФ при этом всегда согласуется с подлежащим, только в одном контексте этого не происходит:

(6) *Я в автолавку ходила, уже шапка был одет.*

В [1, с. 295] отмечается, что изредка у ЕГФ примеры несогласования связки встречаются при неканонических подлежащих, ср.: *У меня был насушен два мешка сухарей ему.*

Обратимся к вопросу происхождения несогласованных форм. В.И. Трубинский полагал, что они образовались “в результате редукции окончания причастия на *-н, -т*” [5, с. 222]. “Усеченная” форма связки у ЕГФ в [1, с. 295] также

интерпретируется как следствие редукции гласного до нуля.

Представляется, однако, что появление анализируемой формы вызвано не фонетическими, а морфологическими причинами и что мы имеем дело не с усеченной формой ср.р., а с формой м.р. ед.ч.

При обсуждении данного вопроса необходимо обратиться к истории деепричастных форм в русском языке. Как известно, формы типа *слыша* и *услышав* представляют собой обобщенную форму именительного падежа единственного числа мужского-среднего рода. Формы же типа *играючи* и *делавши* обычно возводят к именительному падежу единственного числа женского рода; “в этом единодушны российские, украинские и белорусские исторические грамматики, сравнительные грамматики славянских языков” [6, с. 22]². Как, однако, доказывает М.В. Шульга, “различия между рус. *умея* и укр. *вміючи*, между русскими вариантами формами типа *прочитав – прочитавши* восходят не к родовым, а к числовым: *умея, прочитав* являются рефлексами единственного числа, а *вміючи, прочитавши* – рефлексами форм множественного числа мужского рода” [6, с. 22] (хотя исконная форма множественного числа мужского рода причастий имела окончание *-е*, естественная морфологическая эволюция приводила к замене флексии *-е* флексией *-и*, как и у тех существительных, которые исконно также имели в им.п. мн.ч. *-е*). Аргументация М.В. Шульги основывается на обширнейшем материале по истории как русского языка, так и других славянских языков; подробнее см. [6, с. 9–26]. Ниже кратко перечислим основные аргументы [6, с. 25]:

- эволюция субстантивных консонантных форм – замещение флексии И. мн. *-е* флексией В. мн. *-и*;
- преимущественное употребление в текстах именных причастных форм муж. рода;
- замещение причастных форм при существительных жен. рода формами муж. рода;
- смешение форм муж.-ср. рода ед. числа и форм мн. числа у причастий;
- нейтрализация по мужскому роду родовой оппозиции причастных форм в чешском языке.

Главным же, собственно структурным фактором является возможность нейтрализации родовой оппозиции только по формам мужского или

² Впервые данная гипотеза была высказана М.В. Шульгой в более ранних работах, ср. [7].

среднего родов, но не женского, что иллюстрируется М.В. Шульгой богатейшим древнерусским материалом, включающим в себя анализ функционирования всех имен.

Итак, родовая нейтрализация может проходить либо по среднему, либо по мужскому роду. Следовательно, наличие двух типов несогласованных форм — одной ср.р., другой — м.р. — абсолютно закономерно с морфологической точки зрения. Вариативность в одном говоре и даже в речи одного человека при этом не должна вызывать удивления: и в русском разговорном языке возможны варианты формы типа *играя — играючи, сделав — сделавши*. Фонетическое объяснение едва ли оправданно: вне обсуждаемых говоров и обсуждаемых форм отпадение конечного гласного, приводящее к тому, что получившаяся форма совпадает с формой с другими морфологическими характеристиками, неизвестно; невозможно себе представить усечение среднего рода до мужского в разговорном языке.

Таким образом, “усеченные” формы, с нашей точки зрения, являются на самом деле формами мужского рода единственного числа. Наличие связки в м.р. при подлежащем не мужского рода (см. пример (6), а также больше примеров в [8, с. 79]: *У них был поставлен конюшня; Ребята побросан был*) следует объяснять, по всей видимости, еще большей грамматикализацией перфектных форм. Так же это явление предлагает интерпретировать и И. Сержант [9, с. 14].

3. Два плюсквамперфекта: *был, -а, -о, -и + -вши/-ши-форма* и *был, -а, -о, -и + -л-форма*

Как известно, для части севернорусских говоров (прежде всего архангельских) характерно использование плюсквамперфектных форм типа *был, -а, -о, -и + -л-форма*. Детально функционирование этих форм в архангельских говорах освещено С.К. Пожарицкой (см.: [10]; [11]; [12] и др.).

Как показал материал недавних экспедиций (см.: [1]; [4]) в Опочецкий район, такого рода плюсквамперфект есть и в псковских говорах. Однако в указанных работах, представляющих собой общее описание фонетических и морфологических особенностей говоров, данный факт лишь иллюстрируется собранными примерами без обсуждения генезиса и семантики плюсквамперфектных форм. О том, что такие формы существуют в современных псковских говорах, упоминается в [13, с. 193], но подробно данное диалектное явление не освещается. Таким образом, на сегодняшний момент отсутствуют работы, посвященные функционированию, семантике

и происхождению форм типа *был, -а, -о, -и + -л-форма* в псковских говорах. Единственной работой, несколько восполняющей пробел в данном вопросе, является статья [14], посвященная обсуждаемым формам в старообрядческих говорах Литвы, являющихся по своему происхождению псковскими. Настоящий раздел едва ли претендует решить существующую проблему. Тем не менее, в нем поднимаются вопросы, на которые прежде всего нужно будет обращать внимание при дальнейшем, более глубоком, изучении данной темы.

Сложность описания плюсквамперфектных форм в псковских говорах заключается в том, что наряду с формой *был, -а, -о, -и + -л-форма* существует форма *был, -а, -о, -и + -вши/-ши-форма*. Необходимо ответить на вопросы, какова грамматическая семантика этих форм, как они соотносятся друг с другом, членами каких грамматических категорий являются. Кроме того, при обсуждении данной темы возникает и терминологическая проблема. К каждой из обсуждаемых форм можно применить термин *плюсквамперфект*, т.к. плюсквамперфектом принято называть сложные формы прошедших времен. Однако, будучи употребленным по отношению к псковским говорам, из-за наличия в них двух рядов сложных форм этот термин не несет информации о формальном устройстве времени. В то же время он не сообщает ничего и о семантике форм, т.к. глагольные формы в языках мира, называемые плюсквамперфектом на основе формального устройства, имеют крайне широкий спектр значений (см., например, [15]).

В 3.1. будут анализироваться формы *был, -а, -о, -и + -вши/-ши-форма*, в 3.2. — формы *был, -а, -о, -и + -л-форма*, в 3.3. рассматривается соотношение обсуждаемых форм в грамматической системе диалекта и обсуждаются инославянские параллели.

3.1. Формы типа *был, -а, -о, -и + -вши/-ши-форма*

Данный подраздел состоит из двух частей. В первой описывается основное грамматическое значение анализируемых форм — значение результата, отнесенного в прошлое. Во второй исследуется вторичное значение антирезультативности. На материале исследуемого говора поднимается вопрос о происхождении данного значения.

3.1.1. Результативное значение

Формы типа *был, -а, -о, -и + -вши/-ши-форма* как в псковских говорах вообще, так и у ЕГФ в частности имеют ярко выраженное значение результативности, отнесенной к прошлому. Приведем примеры:

(7) *Собирались опять приехать, но вот не были приехали.*

(8) *Был у меня тогда. Нинка была померши, он жил у меня еще, в город не был уехали жить, не был замуж вышедши.*

(9) *И от глазу, когда пришла этого, Маринка, корова заболели была.*

(10) *Все лицо было обметали.*

(11) *Она была за пожилого мужчину вышедши замуж.*

(12) *Ну, а белый, тот маленько был отдалиши (о светловолосом молодом человеке, который нравился ЕГФ).*

(13) *Их три брата было, поделилиши были, кому какой хутор досталиши был.*

(14) *У его все в середке там сгнилиши было.*

Нет никаких сомнений, что данную форму нужно рассматривать в ряду других результативных форм, являющихся граммемами категории перфекта. Под перфектом вслед за И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко в статье понимается система “грамматических единиц, специально предназначенных для выражения состояния, явившегося результатом предшествующего действия”³ [8, с. 219]. Данная система в говорах, имеющих категорию перфекта, включает в себя три временные формы (наст., прош. и буд. вр.) и формы ирреальных наклонений, ср.: *а только теперь (я) уже позабывши – инвалидка; я была с ума сошоваши – горазд кричала; умерши-то все будем; если б желали, давно бы были вышещи (замуж) [там же].* В речи ЕГФ она представлена очень последовательно, ср.: *А у меня тут нигде, а вот тут зубы осталиши; Приказываю, чтоб были приехали Се-режка с Ольгой (пример из [3, с. 65]).* Формы буд. вр. в записи не встретились, что следует объяснить спецификой разговора: в основном ЕГФ ведет рассказ о прошлых событиях.

Итак, формы *был, -а, -о, -и + -вши-/-ши-* форма можно называть плюсквамперфектом (так делается, например, в [19]; [23]; [12]), т.к. и формально, и семантически они соответствуют тому, что принято обозначать данным термином

³ Типологические исследования показывают, что перфект и результатив – это не синонимичные понятия; один из сценариев развития перфектных форм предполагает эволюцию от результатива к перфекту и далее к претериту (см., например, [16]; [17]; [18]). В отношении того, чем же являются анализируемые диалектные формы, в научной литературе нет единого мнения. Чаще всего понятия “перфект” и “результатив” применяются к ним как синонимы (например, [8]; [5]; [19]; [20]; [21]; [22]). Попытка разобраться, чем же именно являются рассматриваемые конструкции, предпринята в [9]. Автор приходит к выводу, что ситуация в русских говорах представляет собой промежуточную стадию между результативом и перфектом [9, с. 6]. Для целей данной работы, однако, решение этого вопроса представляется принципиальным.

(результативное значение – одно из основных типологически известных значений плюсквамперфекта (см.: [15, с. 25–28]). Однако, учитывая наличие в говорах еще одного ряда плюсквамперфектных форм, во избежание терминологической путаницы более удачным решением кажется называть анализируемые формы перфектом в прошедшем или перфектом прошедшего времени, как это делается в [3], или новым плюсквамперфектом (по аналогии с термином *новый перфект*, которым часто называют перфектные формы на *-вши-/-ши-*). В.И. Грубинский также использует термины *претерит перфекта* и *связочный перфект*. Последний кажется менее удачным, т.к. связка в перфекте возможна не только в прошедшем времени, но и в настоящем и в будущем.

3.1.2. Антирезультативное значение

В двух контекстах с формами *был, -а, -о, -и + -вши-/-ши-* форма можно говорить об антирезультативном значении (в понимании [24]) – еще одним характерным⁴ для плюсквамперфекта значении, когда плюсквамперфектной формой обозначается действие, которое не было достигнуто или результат которого был отменен:

(15) (На вопрос, женился ли брат ЕГФ еще раз после смерти первой жены). *Тут он не женился. Тут был[ь] нашедши ему, ну вот, но потом он не женился – ‘Тут ему было нашли жену, но он не женился’. Из-за редукции конечного гласного и наосновного ударения в форме *быль* нельзя однозначно сказать, с какой формой мы имеем дело: *была* или *было*. Если это *была*, то предложение следует понимать так: ‘тут ему нашлась жена’ (от возвратных глаголов в опочечких говорах перфект образуется с помощью действительного причастия без постфикса [1, с. 292]). В случае, если под *был[ь]* скрывается *было*, то предложение можно трактовать двояко: *было* является либо связкой ср.р. при форме перфекта, и тогда предложение должно быть понято как безличное ‘тут ему нашлось’ (*нашедши*, как и в предыдущей интерпретации, тогда является формой перфекта от возвратного глагола *найтись*), либо частицей, которая, как и в литературном языке, обозначает прерванное или не завершившееся до конца действие – ‘тут ему было нашли’. Последнее предположение кажется наименее вероятным, т.к. в [41] нет ни одного примера на эту частицу; нет и примеров употребления плюсквамперфектных форм типа *был, -а, -о, -и + -л-* форма с неизменяемым *было* в антирезультативном значении (подробнее см. 3.2).*

(16) (ЕГФ рассказывает, как пыталась убежать от мужа). *А войти⁵ некуда было. Была раз отошедши. И шла с Борькой. Только с кустов вышла – слышу топот конский, еще Ленки не было. Я оглянулась назад – уже он подбехал, ножик взято: “Не поедете со мной, сейчас*

⁴ Характерно для плюсквамперфекта как типологически, так и в истории русского языка (см.: [25]; [15]).

⁵ Пск., значит ‘уйти’.

зарезу обоих” – ЕГФ пробовала было уйти от мужа, но ей не удалось.

Таких примеров на 42 примера с формами типа *был, -а, -о, -и + -вши/-ши*-форма всего два. Очевидно, что в (15)–(16) антирезультативность является контекстуальной: на результативное значение формы в контексте накладывается семантический компонент отмененности действия или его недостижимости. Данный факт служит в пользу версии о происхождении антирезультативного значения плюсквамперфекта в истории русского языка из результативного, которую, анализируя древнерусский материал, отстаивает М.Н. Шевелева [25, с. 219]. Это противоречит гипотезе В.А. Плунгяна о связи антирезультативного значения со значением давнопрошедшего, основанной на типологических данных [24]. Возможно, эволюция значений плюсквамперфектных форм в истории русского языка шла по отличному от других языков сценарию. О развитии антирезультативного значения именно из результативного, а не давнопрошедшего, свидетельствует и летописный материал: в древнейших летописях значение давнопрошедшего не представлено вовсе, в то время как антирезультативные контексты уже есть (подробнее см. [26, с. 204–211]). Показательным подтверждением этой версии являются контексты, в которых в значении антирезультатива в нарративе употреблен не плюсквамперфект, а *-л*-форма без связки в результативном значении, ср.:

(17) НПЛ мл. л. 178 об. Тогда Литва посадиша своего князя в Полочкѣ; а полочанъ пустиша, коих бяху поималѣ с княземъ их, и миръ взяша – НПЛ ст. л. 140 об. Тогда Литва посадиша свои князь в Полотъскѣ; а полочанъ пустиша, которыхъ изымали с княземъ ихъ, а миръ взяша – перед нами два одинаковых контекста, которые демонстрируют отмену совершенного ранее результативного действия: ‘Тогда Литва посадила своего князя в Полоцке; а полочан, которых захватили / были захватившими / захватили было с их князем, отпустили и заключили мир’. При этом в одном случае использована форма плюсквамперфекта, в другом – *-л*-форма без связки в результативном значении, обе – в контекстуально антирезультативном значении. Аналогичен следующий пример:

(18) НПЛ мл. л. 192. Того же лѣта заложиша церковь камену святого Бориса и Глѣба, коя бѣ порушила ся – НПЛ ст. л. 153 об. Того же лѣта заложиша церковь камену святою Бориса и Глѣба, которая порюшила ся – ‘В тот же год заложили каменную церковь Бориса и Глеба, которая обрушилась / была обрушившейся / было обрушилась’.

Следующие два контекста представлены только вариантом с *-л*-формой без связки:

(19) НПЛ мл. л. 234. Повеленьемъ владыцѣ Ивана побиша у святѣи Софѣи маковицу свинцомъ, которая в пожарѣ огорѣла – ‘Маковицу Святой Софии, которая обгорела / была обгоревшей / было обгорела в пожар, обили свинцом’.

(20) НПЛ мл. л. 258. В то же время воеводы новгородчкыя с заволочаны по князя великого земли повоеваша много противу того, что князь повоевалъ новгородчкыя волости – ‘Новгородские воеводы отвоевали многое из того, что у них захватил / был захватившим / было захватил великий князь’.

Такие примеры свидетельствуют о том, что “антирезультативность развивается в контексте противопоставления дальнейшему развитию событий на базе перфектного значения” [25, с. 242]. Об этом же говорят данные и западнорусских летописей: в них преобладают результативное и антирезультативное значения плюсквамперфекта, в то время как значение давнопрошедшего представлено единичными случаями (подробнее см.: [27]).

Таким образом, данные исследуемого говора демонстрируют, как результативное значение контекстуально может осложняться семантическим компонентом антирезультативности, что, на наш взгляд, подтверждает гипотезу о происхождении антирезультативного значения у плюсквамперфекта в истории русского языка из результативного, а не из значения давнопрошедшего, как это часто бывает в языках мира.

3.2. Формы типа *был, -а, -о, -и + -л*-форма

В записи ЕГФ отмечено 6 примеров с сочетанием *был, -а, -о, -и + -л*-форма⁶. При рассмотрении таких сочетаний в говорах всегда встает проблема интерпретации глагола *быть*. Для корректного анализа необходимо определить, является ли глаголом-связкой или самостоятельным бытийным предикатом, как, например, в следующем контексте из архангельских говоров: *Вот бабка у ей была знала* ‘бабка у нее была, (которая) все знала’ – автономные отношения оформляются понижением тона на первом сказуемом и/или паузой, замещающей относительное местоимение [12, с. 218–220]. В контекстах, встретившихся у ЕГФ, *быть*, без сомнения, является связкой: в примерах (кроме (26), см. ниже) отсутствует понижение тона или пауза, а подстановка относительного местоимения или замена конструкцией

⁶ Во всех примерах глагол *быть* согласуется с подлежащим. Формально можно предполагать, что за *был[ѣ]* с наосновным ударением, употребленном при подлежащем женского рода, скрывается форма ср.р. *было*, однако, т.к. с подлежащим в форме м.р. и мн.ч. представлены согласуемые формы, можно полагать, что связка согласуется и с подлежащим женского рода.

“а было так, что...” невозможны. Следовательно, мы имеем дело с грамматической формой — плюсквамперфектом, являющимся наследником древнерусского плюсквамперфекта. В отношении псковских говоров термин *плюсквамперфект* кажется не очень удачным, т.к. в говорах существует еще одна плюсквамперфектная форма *был*, *-а*, *-о*, *-и* + *-вши/-ши*-форма, поэтому мы предлагаем называть формы типа *был*, *-а*, *-о*, *-и* + *-л*-форма старым плюсквамперфектом. Во всех примерах, кроме одного, формой старого плюсквамперфекта обозначается давнопрошедшее действие, не имеющее никакого отношения к настоящему, ср.:

(21) *А это раньше, раньше где-то старый был мужик, откуда-то вызванный у их, и он там заговаривал. Вот я не знаю... Папкин батька еще был жил, или папка только был жил. Папки ж уже мало с каких пор нет... Уже мамки, наверное, 58 годов нет, папки 53.*

(22) *Она в Васьков-, с Васькова с хутора вышедши. Их три брата было, поделились были, кому какой хутор достались был. И этот в Васькове остались, Николай, был. Яреж был жил, где, этого, в церков- ушедши, на Церковище, по деду туды дальше были.*

(23) *Ихняя бабушка была жила в нашей деревне. А ейные дочки вси поехали тудя: кто под Москву, кто во Владимире...*

(24) *Тут мы чернику были собирали.*

(25) *Баба была приехали, что-то она неделю, сейчас в этом Юрьеве живет. Я к ней была ходила тудя, она говорит: “И поесть хочу, и Людки домой не дожидаться” — в примерах (24)–(25) можно говорить о том, что глагол-связка при смысловом глаголе НСВ играет роль “дополнительного показателя прекращенной хабитуальности” [12, с. 235].*

В архангельских говорах подобное значение несвязанности обозначаемого действия с настоящим (или, в терминологии [28] — неактуального прошедшего) является одним из основных значений плюсквамперфекта с той, однако, разницей, что действие, выраженное плюсквамперфектом, необязательно является давнопрошедшим: «Вопрос о временной дистанции, понимаемой как “давность” события, снимается цитатами с прямым указанием на время», ср.: *Прошлый год была руку сломала* [12, с. 237].

В 5 из 6 контекстов со старым плюсквамперфектом, приведенных в [1, с. 298], также представлено значение давнопрошедшего⁷. В 2 примерах из этих 5 используется форма плюсквамперфекта

⁷ Еще один пример из опочечких говоров с таким значением приведен в [4, с. 238]: *(У) нас один год был лосенок жил*. В записи *был* от последующей части предложения отделяется паузой, поэтому здесь нельзя исключать и полнозначительность глагола *быть* и его использование в экзистенциальном значении.

от глагола *жить*. Использование у ЕГФ этого глагола в 4 контекстах из приведенных 6 в отношении давно умерших людей говорит о том, что в псковских говорах семантический компонент “давности” в отличие от архангельских говоров, по всей видимости, является решающим при выборе формы. Кроме того, это может свидетельствовать и о постепенной утрате плюсквамперфекта и закреплении его форм за определенными лексемами в характерных контекстах. Для решения этого вопроса необходимо пополнять корпус примеров с формами старого плюсквамперфекта.

Плюсквамперфект со значением давнопрошедшего следует интерпретировать, видимо, как грамму прошедшего времени, маркированную по признаку давности и противопоставленную “обычному” прошедшему времени. Отсутствие значения давности и выражение исключительно семантического компонента несвязанности с настоящим в архангельских говорах может рассматриваться либо модификацией грамматического значения, либо его утратой и трансформацией плюсквамперфекта из грамматической формы в стилистическую (см. ниже).

В одном примере из записи ЕГФ у плюсквамперфекта можно предполагать антирезультативное значение, однако контекст не является надежным, т.к. глагол *быть* отделен от смыслового глагола паузой:

(26) *Добрый ребенок. Но видишь, обманный. Она была гуляла с другим. Тот военный был <...> Ну все, совсем думали. А вышла... замуж не вышла. Расскандалили... <...> Теперь второй нашедши — ЕГФ рассказывает о своей внучке, которая “было гуляла” с одним военным, родила от него ребенка, но замуж в итоге не вышла, разошлась с ним и нашла себе другого мужчину. В примерах со старым плюсквамперфектом у [1, с. 298–299] антирезультативное значение не представлено; данный контекст, как было сказано выше, также нельзя считать надежным.*

Для одного примера, приведенного в [1, с. 299], значение плюсквамперфекта в указанной работе описывается следующим образом: “<...> форма плюсквамперфекта обозначает ситуацию, предшествующую ситуации, находящейся в центре внимания рассказчика”. Остановимся на нем подробнее: *Вот рядом сосед, это, жил. Он с тридцать первого году. Родители такие были, что ни одного классу он не кончил. Женился был, и это, а женка во Псков была отправлена. В канторе она была. В Пскове и поучилась и в канторе была. Ни письмо он моге написать, ни прочитать. Она напишет письмо, а она уже говорит: “Ты иди к Женьке, она тебе писать будет и читать будет”*. Представляется,

что в данном случае мы имеем дело с одной из характерных реализаций значения неактуального прошедшего — функцией сдвига начальной точки: в таком случае плюсквамперфект обозначает первое звено нарративной цепочки рассказа, отнесенного в не связанное с настоящим прошлое, и имеет выделительный компонент, акцентируя внимание читателя на “завязке” сюжета (подробнее см.: [28]; [29]). Форма *женился был* как раз является первым звеном рассказа о том, как сосед жил после женитьбы. Эмфатическая функция плюсквамперфекта является частотной и в архангельских говорах, при этом плюсквамперфектом может обозначаться любое действие, являющееся семантической доминантой рассказа, а не только первое действие нарративной цепи [12]. В опочечных говорах, кроме приведенного, такие контексты не зафиксированы, однако корпус примеров крайне мал, поэтому делать надежные выводы об их частотности нельзя.

Представляется, что такая выделительная функция плюсквамперфекта связана с его начавшимся исчезновением как грамматической формы — он постепенно становится стилистически маркированной формой прошедшего времени. Подобная эволюция плюсквамперфектных форм характерна для языков, чья темпоральная система движется по пути упрощения. Так, например, “в старосербохорватской темпоральной системе морфологическое значение формы плюсквамперфекта определяется как (экспрессивный) вариант граммы прошедшего времени” [30, с. 68]. В современном словенском литературном языке плюсквамперфект так же, как и в сербохорватском, является стилистическим более экспрессивным вариантом претерита [30, с. 119]. В современном польском языке плюсквамперфект крайне редко может использоваться в художественной литературе в различных стилистических функциях [31, с. 78–80].

Наряду с вышеперечисленными значениями С.К. Пожарицкая выделяет у плюсквамперфекта в архангельских говорах результативное значение, полагая, что тогда форма смыслового глагола является “эквивалентной деепричастию в составе так называемого северо-западного деепричастного перфекта” [10, с. 789] (см. также [11, с. 273]), ср. приводимые в цитируемых работах примеры: *Отец тоже был потонул; Тот год хлеб озяб был весь; Она вышла замуж сюда была; Приехала была в гости*. Представляется, однако, что как выделение у плюсквамперфекта в архангельских говорах результативного значения, так и его сопоставление с северо-западным перфектом

является некорректным. Говоры с “новым” перфектом имеют грамматическую категорию результативности: результативное действие совершенно закономерно может выражаться во всех трех временах и сослагательном наклонении (см. 3.1). В архангельских же говорах такой системы нет; нет специальных форм для обозначения результативного действия ни в настоящем, ни в будущем временах, ни в сослагательном наклонении, поэтому предполагать маркированное выражение результативности для прошедшего времени кажется неверным. Такой же точки зрения придерживаются авторы статьи [14]: “...предполагать в грамматической системе литературного языка или диалекта маркированных членов структурных оппозиций (в данном случае грамматических форм плюсквамперфекта) при отсутствии немаркированных (перфекта в нашей ситуации) не кажется корректным из общетеоретических соображений” [14, с. 220]. О том, что если «перфект перестает быть “результативом настоящего времени”, <...> то плюсквамперфект в той же (если не большей) степени перестает быть “результативом прошедшего времени”», пишет и В.А. Плуныгин [18, с. 21]. Таким образом, в приводимых в [10]; [11] примерах на результативное значение можно говорить лишь о контекстуальном, но не грамматическом значении результата. Кроме того, примеры, иллюстрирующие результативную, по мнению автора, семантику, слишком коротки; для более надежной их интерпретации необходим более широкий контекст. Весьма вероятно, что форма плюсквамперфекта в них имеет значение давнопрошедшего или выполняет эмфатическую функцию.

Таким образом, формы типа *был, -а, -о, -и + -л*-форма в рассматриваемом говоре являются формами плюсквамперфекта (который мы предлагаем называть старым плюсквамперфектом) и выражают давнопрошедшее действие. По-видимому, их можно считать грамматической формой прошедшего времени, маркированной в отличие от “обычного” прошедшего времени по признаку давности. У старого плюсквамперфекта в анализируемом говоре вероятно также наличие антирезультативного значения, однако в силу малого количества примеров об этом нельзя говорить с уверенностью. На основании одного примера можно предполагать и существование эмфатической, стилистической функции плюсквамперфекта, свидетельствующей о его постепенной утрате как грамматической формы.

3.3. О соотношении двух плюсквамперфектов в инославянском контексте

В рассматриваемом говоре существует две грамматические формы, которые, исходя из

общепринятой терминологии, можно называть плюсквамперфектными.

Формы типа *был, -а, -о, -и + -вши/-ши*-форма мы предлагаем называть новым плюсквамперфектом. Они выражают грамматическое значение результата в прошедшем времени и являются членами категории перфекта, состоящей из граммем прошедшего, настоящего и будущего времен и сослагательного наклонения.

Формы типа *был, -а, -о, -и + -л*-форма мы предлагаем называть старым плюсквамперфектом, т.к. они являются архаизмами, наследниками древнерусского плюсквамперфекта. По всей видимости, после того как бывшая форма перфекта потеряла свое перфектное значение и превратилась в “обычное” прошедшее время, основным значением плюсквамперфекта в тех говорах, где он сохранился, стало значение давнопрошедшего или неактуального прошедшего. Старый плюсквамперфект является маркированной формой и противопоставлен “обычному” прошедшему времени по признаку давности / неактуальности.

Как славянским, так и языкам других групп и семей известны системы с двумя плюсквамперфектами (подробнее см. [15, с. 47–52]). Так, ситуация, аналогичная ситуации в анализируемом опочечком говоре, наблюдается в македонском языке. В нем существуют две формы плюсквамперфекта: старая *бев видел* и новая *имав видено*. Новая форма выражает результирующее состояние, старая получает чисто таксисное значение по [32]; [33] или значение давнопрошедшего по [34], ср. примеры, анализируемые в [15, с. 48–49]: *В шест саатот картите Мито веке ги имаше купено* ‘В шесть часов у Мито были куплены билеты’; *Той каза дека му го беше носил виното три пати* ‘Он говорит, что он ему [когда-то] три раза приносил вино’.

В задачи настоящей статьи не входит подробный анализ материала македонского языка. Мы не можем утверждать, что система с двумя плюсквамперфектами в македонском совершенно аналогична той, что мы наблюдаем в опочечком говоре, однако само наличие в славянском идиоме ситуации, когда появляется новая результирующая форма плюсквамперфекта (естественно, наряду с новым результирующим перфектом⁸), а старая форма не выражает грамматического значения результата и ее значение в той или иной степени эволюционирует в сторону чистого таксиса и давнопрошедшего, кажется показательным и подтверждающим нашу трактовку материала.

⁸ О новых перфектах в македонском см., например, [35]; [36].

4. Плюсквамперфект в значении ирреалиса

Один раз в анализируемой записи ЕГФ употребляет форму *был, -а, -о, -и + -вши/-ши*-форма “вместо” формы сослагательного наклонения:

(27) *Я разбились была, если б не ты натирания.*

Аналогичный контекст, у ЕГФ же, зафиксирован в [1, с. 295]: *Если б не бабки, уж я давно захо- ронен была.*

В обоих приведенных случаях пропущена частица *бы*. Представляется, что в них мы имеем дело с типологически известным “развитием плюсквамперфекта в сторону ирреальной семантики” [37]. В [37] на основании типологических данных была выдвинута гипотеза о существовании некогда праславянской плюсквамперфектной формы с *бухъ*, которая со временем в большей части славянских языков утратила плюсквамперфектную семантику и превратилась в грамматическую форму ирреалиса (подробнее см.: [37]; [15]; [38]). Позже формы плюсквамперфекта со вспомогательным глаголом в форме аориста были открыты в древнерусской письменности (см.: [39, с. 830–831]; [40, с. 286–287]; [26, с. 219]; [38]). Таким образом, предположение Д.В. Сичиनावы подтверждается не только типологическими данными, но и непосредственно фактами из истории русского языка. Два приведенных контекста из опочечкого говора служат живыми примерами перехода плюсквамперфектной семантики в ирреальную, дополняя тем самым список аргументов, служащих в пользу гипотезы Д.В. Сичиनावы.

5. Заключение

Таким образом, в статье анализируются отдельные аспекты глагольной системы в одном опочечком говоре. Рассматривается гипотеза о происхождении “усеченных” форм в конструкциях типа *вода принесен*: по всей видимости, их следует рассматривать не как усеченные формы ед.ч. ср.р., а как морфологическую форму м.р. Анализируются два ряда плюсквамперфектных форм типа *был пришедши* и *был ходил*: обсуждается их семантика и место, занимаемое ими в грамматической системе диалекта. Как представляется, формы первого типа выражают грамматическое значение результата в прошедшем времени и являются членами категории перфекта. Формы второго типа противопоставлены “обычному” прошедшему времени по признаку давности / неактуальности. Также обсуждается употребление форм типа *был пришедши* “вместо” формы сослагательного наклонения: оно рассматривается не как ошибочное,

а в рамках типологически известного перехода плюсквамперфектного значения в ирреальное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяченко С.В., Жидкова Е.Г., Малышева А.В., Ронько Р.В., Тер-Аванесова А.В. Экспедиция в Опочечский район Псковской области // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 257–313.
2. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.
3. Дьяченко С.В., Жидкова Е.Г., Тер-Аванесова А.В. Формы перфекта и перфектные конструкции в говорах под Опочкой // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. Вып. 22. Материалы международной научной конференции “Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии” (27–29 мая 2019 г.). С. 213–229.
4. Ронько Р.В. Материалы экспедиции 2019 г. в Опочечский район Псковской области: тексты с комментарием // Русский язык в научном освещении. 2019. № 1. С. 234–258.
5. Трубинский В.И. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 216–226.
6. Шульга М.В. Грамматические оппозиции в истории морфологии имени. М.: Индрик, 2017.
7. Шульга М.В. Деепричастия на -и в свете памятников восточнославянской письменности // Памятки писемности східнослов'янськими мовами XI–XVIII століть. 1997. Вип. 3. Киев: Національна академія наук України.
8. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971.
9. Seržant I.A. The so called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. Adiachronic and areal account // *Lingua*. 2012. 122(4). P. 356–385. doi: 10.1016/j.lingua.2011.12.003
10. Пожарицкая С.К. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des Études slaves*. Paris, 1991. LXIII/4.
11. Пожарицкая С.К. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исслед.* 1991–1993 гг. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 268–279.
12. Пожарицкая С.К. Конструкции с глаголом *быть* (*был, была, было, были*) в одном севернорусском говоре: к вопросу о плюсквамперфекте // *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects* / Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer. Bergen, 2014. P. 216–244.
13. Русская диалектология. Под ред. проф. Н.А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972.
14. Морозова Н.А., Чекмонас В.Н. К проблеме грамматического статуса и значения сочетаний *быть-прош.* + *л-овые* формы глагола в старообрядческих говорах Литвы // *Псковские говоры: синхрония и диахрония. Межвузовский сборник научных трудов*. Псков, 2003. С. 206–223.
15. Сичинава Д.В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс, 2013.
16. Недеялков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций. В.П. Недеялков (ред.) // Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–41.
17. Маслов Ю.С. Результатив, перфект и глагольный вид. В.П. Недеялков (ред.) // Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 41–54.
18. Плунгян В.А. К типологии перфекта в языках мира: Предисловие // *ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта* / Отв. ред. Т.А. Майсак, В.А. Плунгян, Кс.П. Семёнова. СПб.: Наука, 2016. С. 7–36.
19. Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
20. Danylenko A. Is there any possessive perfect in North Russian? // *WORD*, 2005, 56:3, 347–379. DOI: 10.1080/00437956.2005.11432554
21. Jung H. Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian // *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*. Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer. Bergen, 2014. 195–215.
22. Wiemer B. Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity // *SLAVIA*, 2–17, 86: 2–3; 124–168.
23. Рыко А.И. Причастия на -ши в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона // *Русский язык в научном освещении*. 2002. № 2 (4). С. 171–193.
24. Плунгян В.А. Антирезультатив: до и после результата // *Исследования по теории грамматики, 1: Глагольные категории*. М.: Гнозис, 2001. С. 50–88.
25. Шевелева М.Н. “Русский плюсквамперфект” в древнерусских памятниках и современных говорах // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2 (14). С. 214–252.

26. *Скачедубова М.В.* Функционирование -л-формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.
27. *Ермолова М.В.* О некоторых глагольных особенностях в западнорусских летописях (сочетания “быти + причастие на -ъш-/-въш-”, плюсквамперфект) // Исследования по славянской диалектологии. Выпуск 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. 272 с. (отв. ред. серии: А.Ф. Журавлев, отв. ред. выпуска: М.М. Алексеева, М.Н. Толстая). С. 178–193.
28. *Петрухин П.В., Сичинава Д.В.* “Русский плюсквамперфект” в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193–214.
29. *Сичинава Д.В.* “Сдвиг начальной точки”: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Исследования по теории грамматики, 4: Грамматические категории в дискурсе. В.А. Плунгян, В.Ю. Гусев и А.Ю. Урманчиева (ред.). М.: Гнозис, 2008. С. 241–274.
30. *Деянова М.* История на сложните минали времена в български, сърбо-хърватски и словенски език. София: Издателство на българската академия на науките, 1970.
31. *Kowalska A.* Ewolucja analitycznych form czasownikowych z imiesłowem na -Ł w języku polskim. Katowice, 1976.
32. *Friedman V.A.* The Pluperfect in Albanian and Macedonian // *Folia Slavica*. 1981. (Columbus, OH) 4, 2–3, 273–282.
33. *Фридман В.* О дифференциации темпоральности и аспектуальности в болгарском и македонском языках // Вопросы языкознания. 1991. № 1. С. 116–124.
34. *Fici F.* Macedonian perfect and its modal strategies // *Македонски јазик*. 2001. LI–LII, 61–88.
35. *Graves N.* Macedonian – a language with three perfects? // Dahl, O. (ed.) 2000. *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. B., N.Y.: Mouton de Gruyter, 479–494.
36. *Макарова А.Л.* О формах и функциях перфекта в западномакедонских диалектах // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта / Отв. ред. Т.А. Майсак, В.А. Плунгян, Кс.П. Семёнова. СПб., 2016. С. 217–234.
37. *Сичинава Д.В.* К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики, 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 292–312.
38. *Сичинава Д.В.* Древнерусские индикативные формы со вспомогательным *быхъ*: к интерпретации и списку примеров. *Sub specie aeternitatis*: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько / Отв. ред. И.М. Ладыженский, М.А. Пузина; ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. М.: Азбуковник, 2021. С. 244–253.
39. *Крысько В.Б.* Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М.: Азбуковник, 2011. С. 798–837.
40. *Скачедубова М.В.* Плюсквамперфект в Ипатьевской летописи // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции “Типология морфосинтаксических параметров 2016”. Вып. 3. М.: МПГУ, 2016. С. 280–289.
41. Корпус опочецких говоров. Р.В. Ронько, Е.А. Вольф, М.Ю. Гребёнкина, М.Ю. Ершова, А.В. Охапкина, А.С. Хадасевич, В.А. Морозова. Корпус опочецких говоров 2019. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Доступен по ссылке <https://lingconlab.ru/opochka>

REFERENCES

- Dyachenko, C.V., Zhidkova, E.G., Malysheva, A.V., Ronjko, R.V., Ter-Avanesova, A.V. *Ekspediciya v Opocheckij rajon Pskovskoj oblasti* [Expedition to the Opochna District of the Pskov Region]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian Language in Scientific Lighting], 2018, No. 2 (36), pp. 257–313. (In Russ.)
- Zakharova, K.F., Orlova, V.G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect Division of the Russian Language]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1970. (In Russ.)
- Dyachenko, C.V., Zhidkova, E.G., Ter-Avanesova, A.V. *Formy perfekta i perfektnye konstrukcii v govorax pod Opochkoy* [Perfect Forms and Perfect Constructions in Opochna Dialects]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. No. 22, 2019, pp. 213–229. (In Russ.)
- Ronjko, R.V. *Materialy ekspedicii 2019 g. v Opocheckij rajon Pskovskoj oblasti: teksty s kommentariem* [Expedition to Opochna District of the Pskov Region in 2019: Texts and a Brief Coommentary]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii*. [Russian Language in Scientific Lighting]. 2019, No. 1, pp. 234–258. (In Russ.)
- Trubinsky, V.I. *Rezultativ, passiv i perfekt v nekotorykh russkikh govorakh* [Resultative, Passive and Perfect Forms in Some Russian Dialects]. *Tipologiya rezul-tativnykh konstrukcij (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)*

- [Typology of the Resultative Constructios (Resultative, Stative, Passive, Perfect)]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 216–226. (In Russ.)
6. Shulga, M.V. *Grammaticheskie oppozicii v istorii morfologii imeni* [Grammatical Oppositions in the History of the Morphology of the Name]. Moscow, Indrik Publ., 2017. (In Russ.)
 7. Shulga, M.V. *Deeprichastiya na -i v svete pamyatnikov vostochnoslavjanskij pismennosti* [Gerunds in -i in the Light of the East Slavic Texts]. *Pamyatki pisemnosti sxidnoslavjanskimi movami XI–XVIII stolit* [East Slavic Texts of the 11–18th cc.]. Kiev, Nacjonalna akademiya nauk Ukraïni Publ., 1997, No. 3. (In Russ.)
 8. Kuzmina, I.B., Nemchenko, E.V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh* [The Syntax of the Participial Forms in Russian Dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1971. (In Russ.)
 9. Seržant, I.A. *The so called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. Diachronic and areal account.* *Lingua.* 2012. 122 (4). P. 356–385. doi: 10.1016/j.lingua.2011.12.003
 10. Pozhariczskaya, S.K. *O semantike nekotoryx form proshedshego vremeni glagola v severnorusskom narechii* [On the Semantics of Some Past Tense Forms in the Northern Russian Dialects]. *Revue des Études slaves.* Paris, 1991. LXIII/4. (In Russ.)
 11. Pozhariczskaya, S.K. *Otrazhenie evolyucii drevnerusskogo plyuskvamperfekta v govorax severnorusskogo narechija Arxangelskoj oblasti* [Reflection of the Evolution of the Old Russian Pluperfect in the Northern Russian Dialects of the Arkhangelsk Region]. *Obshheslavjanskij lingvisticheskij atlas: Materialy i issled.* 1991–1993 gg. [General Slavic Linguistic Atlas: Materials and Research. 1991–1993]. Moscow, IR'A RAN Publ., 1996, pp. 268–279. (In Russ.)
 12. Pozhariczskaya, S.K. *Konstrukcii s glagolom byt (byl, byla, bylo, byli) v odnom severnorusskom govore: k voprosu o plyuskvamperfekte* [Constructions with the Verb to be (byl, byla, bylo, byli) in one Northern Russian Dialect: on the Question of the Pluperfect] *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects.* Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer. Bergen, 2014. P. 216–244. (In Russ.)
 13. *Russkaya dialektologiya. Pod red. prof. N.A. Meshherskogo* [Russian Dialectology. Prof. A. Meshhersky (ed.)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. (In Russ.)
 14. Morzova, N.A., Chekmonas, V.N. *K probleme grammaticheskogo statusa i znachenija sochetanij byt^{prosh.} + l-ovye formy glagola v staroobryadcheskikh govorakh Litvy* [On the Problem of the Grammatical Status and Semantics of the Constructions byt^{past} + l-forms in Old Believer Dialects of Lithuania]. *Pskovskie govory: sinkhroniya i diakhroniya. Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Pskov Dialects: Synchrony and Diachrony. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Pskov, 2003, pp. 206–223. (In Russ.)
 15. Sitchinava, D.V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavjanskij plyuskvamperfekt* [A Typology of Pluperfect. Slavic Pluperfect]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2013. (In Russ.)
 16. Nedyalkov, V.P., Yakhontov, S.E. *Tipologiya rezultativnykh konstrukcij* [Typology of the Resultative Constructios]. *Tipologiya rezultativnykh konstrukcij (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of the Resultative Constructios (Resultative, Stative, Passive, Perfect)]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 5–41. (In Russ.)
 17. Maslov, Yu.S. *Rezultativ, perfekt i glagolnyj vid* [Resultative, Perfect and Aspect]. *Tipologiya rezultativnykh konstrukcij (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of the Resultative Constructios (Resultative, Stative, Passive, Perfect)]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 41–54. (In Russ.)
 18. Plungyan, V.A. *K tipologii perfekta v yazykakh mira: Predislovie* [Towards the Typology of Perfect in the World's Languages. Preface]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskix issledovanij RAN. T. XII. Ch. 2. Issledovaniya po teorii grammatiki. Vypusk 7: Tipologiya perfekta. Otv. red. T.A. Majsak, V.A. Plungyan, Ks.P. Semyonova* [ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Linguistic Research Institute of the Russian Academy of Sciences. Vol. 2. Part 2. Studies in the Theory of Grammar. No. 7. T.A. Majsak, V.A. Plungyan, Ks.P. Semyonova (Eds.)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 7–36. (In Russ.)
 19. Trubinsky, V.I. *Ocherki russkogo dialektologičeskogo sintaksisa* [On the Russian Dialectal Syntax]. Leningrad, Leningradskij Universitet Publ., 1984. (In Russ.)
 20. Danylenko, A. *Is there any possessive perfect in North Russian?* *WORD,* 2005, 56:3, 347–379. DOI: 10.1080/00437956.2005.11432554
 21. Jung, H. *Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian.* *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects.* Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer. Bergen, 2014, 195–215.
 22. Wiemer, B. *Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity.* *SLAVIA,* 2–17, 86: 2–3; 124–168.
 23. Ryko, A.I. *Prichastiya na -shi v odnom zapadnorusskom govore toropeczko-xolmskogo regiona* [Participals in -shi in one West Russian Dialect of the Toropets-Kholm Region]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian Language in Scientific Lighting]. 2002, No. 2 (4), pp. 171–193. (In Russ.)
 24. Plungyan, V.A. *Antirezultativ: do i posle rezultata* [Antiresultative: Before and After the Result]. *Issledovaniya po teorii grammatiki, 1: Glagolnye kategorii* [Grammar Theory Researches. Vol. 1. Grammatical Categories]. Moscow, Gnosis Publ., 2001, pp. 50–88. (In Russ.)

25. Sheveleva, M.N. “*Russkij plyuskvamperfekt*” v drevnerusskikh pamyatnikakh i sovremennykh govorakh [“Russian Pluperfect” in the Old Russian Texts and Modern Dialects]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language in Scientific Lighting]. 2007, No. 2 (14), pp. 214–252. (In Russ.)
26. Skachedubova, M.V. *Funktsionirovaniye -l-formy v drevnerusskom narrative (na materiale rannikh letopisey)* [Functioning of the -l-form in Old Russian Narrative (Based on Early Chronicles)]. Phil. cand. diss. V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Moscow, 2019. (In Russ.)
27. Ermolova, M.V. *O nekotorykh glagolnykh osobennostyakh v zapadnorusskikh letopisyakh (sochetaniya “byti + prichastie na -sh-/-vsh-”, plyuskvamperfekt)* [On Some Verbal Features in Western Russian Chronicles (Constructions “быти + participle in -sh-/-vsh-”, Subjunctive Mood II, Pluperfect)]. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii* [Studies in Slavic Dialectology]. No. 23. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN Publ., 2001, pp. 178–193. (In Russ.)
28. Petrukhin, P.V., Sitchinava, D.V. “*Russkij plyuskvamperfekt*” v tipologicheskoy perspektive [“Russian pluperfect” in the Typological Perspective]. *Verenitsa liter: K 60-letiyu V. M. Zhivova*. [A String of Letters: To the 60th Anniversary of V.M. Zhivov]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2006, pp. 193–214. (In Russ.)
29. Sichinava, D.V. “*Sdvig nachalnoj tochki*”: upotreblenie nekotorykh glagolnykh form v introduktivnoj funkcii [“Shift of Initial Point”: Introductory Use of Some Verbal Forms]. *Issledovaniya po teorii grammatiki, 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse*. V.A. Plungyan, V.Yu. Gusev i A.Yu. Urmanchieva (red.) [Studies in the Theory of Grammar, 4: Grammatical Categories in Discourse]. Moscow, Gnosis, Publ., pp. 241–274. (In Russ.)
30. Deyanova, M. *Istoriya na slozhnite minali vremena v bulgarski, surbo-hurvatski i slovenski ezik* [History of the Compound Past Tenses in Bulgarian, Serbo-Choratian and Slovenian]. Sofia, Izdatelstvo na bulgarskata akademiya na naukite Publ., 1970. (In Bulg.)
31. Kowalska, A. *Ewolucja analitycznych form czasownikowych z imiesłowem na -Ł w języku polskim*. [Evolution of the Analytical Verbal Forms with the l-participle in Polish]. Katowice, 1976. (In Pol.)
32. Friedman, V.A. *The Pluperfect in Albanian and Macedonian*. *Folia Slavica*. 1981. (Columbus, OH) 4, 2–3, 273–282.
33. Fridman, V. *O differenciacii temporalnosti i aspektualnosti v bolgarskom i makedonskom yazykakh* [On the Differentiation of Temporality and Aspectuality in the Bulgarian and Macedonian Languages]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1991, No. 1, pp. 116–124. (In Russ.)
34. Fici, F. *Macedonian perfect and its modal strategies*. *Makedonski jasik* [Macedonian language], 2001, LI–LII, pp. 61–88.
35. Graves, N. *Macedonian – a language with three perfects?* Dahl, O. (ed.) 2000. *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. B., N.Y.: Mouton de Gruyter, 479–494.
36. Makarova, A.L. *O formah i funkciyakh perfekta v zapadnomakedonskikh dialektakh* [On the Perfect Forms and Functions in West Macedonian Dialects]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA*. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN. T. XII. Ch. 2. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Vypusk 7: Tipologiya perfekta. Otv. red. T.A. Majsak, V.A. Plungyan, Ks.P. Semyonova [ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Linguistic Research Institute of the Russian Academy of Sciences. Vol. 2. Part 2. *Studies in the Theory of Grammar*. No. 7. T.A. Majsak, V.A. Plungyan, Ks.P. Semyonova (Eds.)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 217–234. (In Russ.)
37. Sitchinava, D.V. *K probleme proiskhozhdeniya slavyanskogo uslovnogo nakloneniya*. [On the Slavic Conditional Mood’s Origin]. *Issledovaniya po teorii grammatiki, 3: Irrealis i irrealnost* [Studies in the Theory of Grammar, 3: Irrealis and Unreality]. Moscow, Gnosis Publ., 2004, pp. 292–312. (In Russ.)
38. Sitchinava, D.V. *Drevnerusskie indikativnye formy so vspomogatelnykh byh: k interpretacii i spisku primerov* [Old Russian Indicative Forms with the Auxiliary byh: on the Interpretation and List of Examples]. *Sub specie aeternitatis: Sbornik nauchnykh statej k 60-letiyu Vadima Borisovicha Krysko* [Sub specie aeternitatis: Collection of Scientific Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Vadim Borisovich Krysko]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2021, pp. 244–253. (In Russ.)
39. Krysko, V.B. *Morfologicheskie osobennosti zhitijnoj chasti Sofijskogo prologa* [Morphological Features in the Sofia’s Prologue’s Hagiographies]. *Slavyanorusskij prolog po drevnejshim spiskam. Sinaksar (zhitijnaya chast Prologa kratkoj redakcii) za sentyabr-fevral. Tom II: Ukazateli. Issledovaniya* [Slavic-Russian Prologue According to the Most Ancient Lists. Synaxarion (Hagiographic Part of the Prologue of the Short Edition) for September–February]. Vol. II: Index. Researches. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011, pp. 798–837. (In Russ.)
40. Skachedubova, M. V. *Plyuskvamperfekt v Ipat’evskoj letopisi* [Pluperfect in Hypatian Chronicle]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoj konferencii “Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2016”* [Typology of the Morphosyntactic Parameters. Materials of the International Conference “Typology of the Morphosyntactic Parameters 2016”]. No. 3. Moscow, MPGU Publ., 2016, pp. 280–289. (In Russ.)

41. Ronjko, R., Volf, E., Grebyonkina, M., Ershova M., Okhapkina, A., Khadasevich, A., Morozova, V. *Corpus of Opochetsky dialects* 2019. Moscow, Linguistic Convergence Laboratory, HSE University; V.V. Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Science (Available online at URL: <https://lingconlab.ru/opochka>, accessed on 27.02.2022).

Дата поступления материала в редакцию: 24 октября 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 11 февраля 2022 г.

Статья принята к публикации: 22 февраля 2022 г.

Дата публикации: 30 апреля 2022 г.

Received by Editor on October 24, 2021

Revised on February 11, 2022

Accepted on February 22, 2022

Date of publication: April 30, 2022